

О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса¹

Тема и замысел симпозиума

Уважаемые коллеги, этот симпозиум посвящен обсуждению субъектно-деятельностного аспекта трансформации российского общества. Его замысел заключается в том, чтобы коллективными усилиями ученых разного профиля попытаться выработать более конкретное представление о тех социальных *субъектах* или *акторах*, действия которых оказывают решающее влияние на трансформацию российского общества. Хотелось бы выяснить, что представляют собой эти акторы, какова их социальная природа, как они структурированы, каковы их интересы и цели? В какую сторону они ведут или неосознанно подталкивают своими действиями Россию, какие средства используют для реализации своих интересов, каковы характер и механизмы их взаимодействий? В частности, справедлива ли распространенная точка зрения, что трансформация российского общества полностью зависит от воли узкого круга людей, в то время как остальная часть общества практически не играет в ней никакой роли?

Обсуждение этих вопросов во многом подготовлено прежними дискуссиями. Так, в 1999 г. на симпозиуме обсуждались причины и следствия кризисного развития институциональных систем России². В центр дискуссии были вынесены проблемы, образующие три "концентрических круга": первый касался августовского кризиса

¹ Автор признателен грантовой программе НИСП (финансирование Фонда Форда) за поддержку в работе над проектом (грант № SP-01-1-11)

² Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М.: Логос, 1999.

1998 г.; второй — его обусловленности предшествующим десятилетием реформ; третий — места современных реформ в институциональном развитии России на протяжении XX в. По общему признанию, особую глубину и интерес этому симпозиуму придали яркие доклады историков.

Предметом симпозиума в 2000 г. были отношения российской власти с обществом и личностью¹. При выборе этой темы были приняты во внимание ее центральный характер для всей российской истории и особенно для нынешнего момента; ее широта и междисциплинарность, а также тесная связь с проблематикой предыдущего форума. На этот раз внимание ученых сосредоточилось на изменении отношений власти, общества и личности в период либеральных реформ. Стала ли власть более демократичной, близкой обществу, вызывающей доверие граждан или сменилась лишь ее форма, в то время как сущность осталась прежней? Что изменилось в отношениях власти и общества, а что фактически продолжает традиции, от которых пытались уйти? Стали ли россияне свободнее, расширились ли фактически их политические и социально-экономические права? Каких изменений в этой области есть основания ждать в дальнейшем, и почему? Участники симпозиума проанализировали складывавшееся на разных этапах новейшей истории России соотношение элементов прогрессивного развития или воспроизводства (в новых формах) традиционного раскола власти и общества. Были обсуждены сущность политической системы, сложившейся в результате последних реформ; отношения правящих элит с подвластными слоями и группами; культурный аспект отношений власти и общества, отражающий ценности, нормы, интересы и поведение управляющих и управляемых.

Обсуждение этих проблем вплотную подвело нас к проблеме важнейших субъектов (акторов) трансформационного процесса в России. Бесспорно, главным из них является власть. Но, во-первых, правящая элита имеет сложную внутреннюю структуру, а во-вторых, она взаимодействует с обществом, кажущаяся пассивность которого не дает достаточных оснований, чтобы вообще не принимать его во внимание. Конечно, десяти лет относительных гражданских свобод совершенно не достаточно для того, чтобы качественно изменить людей, смыть с них отпечаток тоталитарного прошлого — по-видимому, это вопрос нескольких поколений. Однако не следует закрывать глаза и на тот факт, что общество, хоть и медленно, просыпается, постепенно обретая субъектность. В этих условиях представляется важным исследовать его потенциальные силы, выяснить их соотношение, определить, какого типа активности от них можно ожидать в ответ на различные действия власти.

¹ Куда идет Россия?. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И.Заславской М.: МВШСЭН, 2000.

Литература свидетельствует о значительном интересе ученых к проблеме акторов (субъектов) трансформации современного российского общества. Широко обсуждаются их состав, природа, социальные качества, интересы, направления и результаты деятельности, характер влияния на трансформационный процесс. Однако представители разных наук анализируют эти вопросы под разными углами зрения, в рамках неодинаковых парадигм, с помощью специфических понятий и терминов. Несопоставимость формирующегося при этом картин реальности затрудняет выработку согласованного представления о социальных движущих силах трансформационного процесса. Не сформирован общенаучный взгляд и на природу его главных акторов. Одни ученые выдвигают на первый план федеральную власть, региональную власть и бизнес; другие видят в происходящем прежде всего борьбу социальных классов; третьи ограничивают свой угол зрения внутриаэлитной борьбой, полагая, что остальное общество является скорее объектом, чем субъектом трансформации. Пристально изучается экономическая и политическая борьба крупнейших промышленно-финансовых корпораций; анализируется роль политических партий, движений и блоков. Каждый из этих подходов включает часть правды, но чтобы увидеть ее целиком, простого суммирования их недостаточно. Нужна серьезная междисциплинарная дискуссия, которая и предполагается на нашем симпозиуме.

Чтобы сделать обсуждение более предметным и эффективным, попытаюсь представить некоторую исходную парадигму, очерчивающую контуры и структуру обсуждаемого предмета. Полагаю, что эксплицитное представление такой парадигмы вызовет конструктивную критику и тем самым будет содействовать общему продвижению к истине.

Определение основных понятий

В первую очередь мне хотелось бы уточнить конвенциональный смысл понятий, использованных в теме симпозиума.

Начну с *современного трансформационного процесса*. Поскольку это понятие является очень широким, разные авторы вкладывают в него различное содержание. Поэтому важно определиться с его содержанием в контексте вынесенной на обсуждение проблемы. Мы предлагаем понимать современный трансформационный процесс прежде всего как *процесс изменения институциональной структуры общества*, неизбежными и очень важными последствиями которого служат сдвиги в социальной структуре общества и его культуре.

Действительно, социальная трансформация общества означает относительно мирное (не связанное со сменой элит), постепенное, но вместе с тем достаточно быстрое *преобразование социального*

типа общества. Эмпирическим референтом этого типа служит *характер институциональной структуры,* посткоммунистическая трансформация которой предполагает изменение прежде всего таких качеств, как легитимность, демократичность и эффективность власти; развитость, легитимность и защищенность собственности; многообразие и зрелость гражданских структур; широта и надежность прав и свобод человека. Трансформация социальной структуры и сдвиги в национальной культуре производны от изменения институтов и в этом смысле имеют вторичный характер.

С понятием *"социальный актор"*, на мой взгляд, связаны два вопроса. Первый касается его соотношения с понятием *"социальный субъект"*. В работах, посвященных трансформационным процессам, эти понятия часто употребляются как синонимы, но в последние годы возникло стремление четко противопоставить их друг другу по критерию отношения к социальному действию. Подчеркивается, что понятие *"актор"* имеет смысл лишь в сцепке с конкретным социальным действием (действиями), в то время как понятие *"субъект"* акцентирует скорее рациональность сознания и поведения, способность к реализации свободного выбора. Субъект становится актором применительно к какому-то действию, а актор рассматривается как субъект при наличии определенных характеристик сознания. В зависимости от требований, предъявляемых тем или иным исследователем к индивидам, признаваемым субъектами и акторами, в одних случаях может оказаться, что выраженными свойствами субъектности обладает лишь часть акторов, а в других — что акторами конкретных действий является только часть субъектов.

В качестве *акторов трансформационного процесса* имеет смысл рассматривать *тех социальных субъектов, действия которых непосредственно вызывают или косвенно влекут за собой сдвиги в базовых институтах общества* (независимо от осознания этого самими субъектами). Выделяемые по этому признаку акторы могут характеризоваться разными уровнями развития волевого и рефлексивного сознания, неодинаковой способностью к целерациональному поведению и выбору, т.е. к сознательной реализации возможностей, открываемых индивидуальной свободой. Иными словами, они могут обладать *разными уровнями субъектности.* Важной особенностью такого подхода является то, что качеством социальной активности наделяется не только элита, но и массовые слои общества.

Второй аспект рассматриваемого вопроса состоит в том, *субъекты какого уровня, масштаба, природы* понимаются под *акторами трансформационного процесса.* В принципе таковыми могут быть индивиды, семьи, организации, локальные, региональные и корпоративные общности и др. Но в рамках данного симпозиума (для сосредоточения на центральной проблеме) мы предлагаем относить понятие *"актор"* только к *индивидам.* В частности, говоря об инно-

вационной деятельности организаций, в качестве акторов желательно рассматривать определяющих их стратегию собственников и менеджеров, а рассматривая действия власти, иметь в виду представителей элиты.

В соответствии с этим понятия "микро-", "мезо-" и "макро-" предлагается относить не к масштабам социальных субъектов (от индивидов до макрообщностей), а к тем уровням трансформационного процесса, на которых действуют индивиды.

Наконец, использованное в теме симпозиума словосочетание "стремится вести Россию" подразумевает не абстрактное желание или намерение, а актуальную заинтересованность социальных акторов, выраженную в конкретных действиях. При этом оно охватывает не только сознательное содействие реализации институциональных реформ, но и действия массовых акторов, неосознанно подталкивающих общество в тех или иных направлениях.

Уровни трансформационного процесса

Что же представляет собой каждый из уровней трансформационного процесса, какие критерии лежат в основе их выделения, где проходят разделяющие их границы? На наш взгляд, эти уровни различаются типами социальных действий субъектов, механизмами их влияния на процесс, характером и масштабами вызываемых перемен.

Под макроуровнем трансформационного процесса понимается системное преобразование институциональной структуры общества, т.е. принципиальное изменение нормативно-правового пространства, "правил игры" в экономической, политической и культурной сферах. Цели, интересы и стремления акторов макроуровня, т.е. индивидов, действующих на макроуровне процесса, на мой взгляд, можно свести к предпочтению более или менее целостных сценариев (вариантов) развития России.

Под микроуровнем трансформационного процесса имеется в виду качественное изменение базовых социальных практик, т.е. устойчивых систем взаимосвязанного и взаимно ориентированного поведения социальных субъектов в экономической, политической и культурной сферах общества. Социальные практики представляют собой конкретные формы функционирования общественных институтов, общей же формой реализации каждого института служит не что иное, как совокупность соответствующих социальных практик. Институты, как всякая сущность, глубже и устойчивее форм своей реализации, поэтому практики могут меняться, не затрагивая их сущности. Напротив, преобразование институтов неизбежно сопровождается изменением практик, причем последнее служит самым надежным критерием подлинных институциональных сдвигов.

Если акторы макроуровня сознательно перестраивают институциональную структуру общества *сверху* с помощью своих управленческих и правовых ресурсов, то акторы микроуровня преобразуют социальные практики *снизу* через механизм индивидуального выбора поведения в пределах имеющейся у них области свободы. Стимулом трансформационной активности большинства микроакторов служит стремление, с одной стороны, сохранить привычные, удобные и оправдавшие себя практики, а с другой — обновить и улучшить практики, не отвечающие их интересам.

Особого рассмотрения заслуживает *мезоуровень трансформационного процесса*. Если понятия "макро-" и "микроуровней" социальных процессов употребляются достаточно широко, то понятие "мезоуровень" проработано пока слабо. Использование этого понятия в теме симпозиума объясняется тем, что без него невозможно понять механизмы связи между макро- и микроуровнями социальных изменений, равно как между соответствующими группами акторов. Действительно, между узкой элитой и множеством рядовых россиян находится широкий, внутренне резко иерархизированный слой людей, занимающих промежуточное положение в системе управления, т.е. являющихся одновременно и управляющими, и управляемыми. Этот слой опосредствует отношения правящей элиты с рядовыми гражданами общества. К нему относятся чиновники, собственники и менеджеры фирм, лидеры неформальных сетей, одним словом, те, трансформационная активность которых оказывает непосредственное влияние на условия и содержание деятельности заметного числа людей. Это и есть мезоакторы трансформационного процесса, социально-инновационная деятельность которых играет важную роль в преобразовании институтов. Акторы этого уровня не претендуют на самостоятельный выбор сценариев развития России, хотя и поддерживают те группы элит, деятельность которых наиболее отвечает их интересам. Вместе с тем многие из них не ограничивают свои притязания изменением частных практик "здесь и сейчас". Интересы, по крайней мере, верхнего слоя мезоакторов, по-видимому, правильнее всего связать с преобразованием конкретных институтов применительно к разным регионам и отраслям экономики. Таково общее представление об уровнях трансформационного процесса и действующих в них акторах. Ниже делается попытка описать каждый из этих уровней конкретней.

Макроуровень трансформационного процесса

Социальные акторы макроуровня — представители федеральной и региональной элит, сознательно стремящиеся воздействовать и де-факто воздействующие на выбор сценариев развития России. Действия этих акторов обычно имеют политико-правовой и (или) административно-экономический характер. В первом случае речь

идет о преобразовании нормативно-правовой основы базовых институтов, во втором — о распределении материальных и финансовых ресурсов через механизм государственного бюджета или через деятельность промышленно-финансовых корпораций и групп. Если изменение правил игры корректирует содержание институтов, то управление финансовыми потоками определяет реальные возможности и условия их функционирования. Например, нищета правоохранительных органов, отсутствие прочной экономической базы ставит их в полную зависимость от исполнительной власти и способствует распространению коррупции. Думается, что в трансформации институтов управление финансовыми потоками в целом играет не меньшую роль, чем реформирование их формально-правовой базы.

Вокруг каких же сценариев дальнейшего развития России происходит сейчас борьба акторов макроуровня трансформационного процесса? Какие сценарии поддерживаются самыми сильными акторами и потому являются наиболее вероятными, а какие вряд ли реальны? Более полный ответ на этот вопрос мы, надеюсь получим в итоге его обсуждения на симпозиуме, но чтобы спровоцировать это обсуждение, назову следующие альтернативы:

1. Авторитарно-силовой сценарий, предполагающий резкое усиление государства, повышение роли силовых структур, ужесточение контроля за рыночным сектором экономики, расширение репрессивных и сужение демократических практик.

2. Консервативно-государственный сценарий, означающий формальное сохранение рыночных отношений и демократических процедур при значительном усилении контрольных функций бюрократии в экономике и других сферах общественной жизни.

3. Полукриминальный олигархический сценарий, означающий воспроизводство (в новых формах) квазидемократического и квазырыночного режимов, сложившихся в период правления Б.Ельцина, затягивание ситуации смутного времени.

В реализации каждого из этих сценариев заинтересованы мощные социальные силы. В первом случае — это силовики и прокоммунистическая часть бюрократии; во втором — рациональная бюрократия и легальный бизнес; в третьем — олигархический капитал, теневой и криминальный бизнес, коррумпированная бюрократия. Тот факт, что среди акторов всех сценариев присутствуют представители бюрократии, объясняется тем, что в настоящее время — это наиболее мощная социальная сила России.

В российском обществе есть социальные группы, поддерживающие и другие сценарии, в частности, **либерально-демократический** и **социал-демократический**. Оба они ориентированы на становление правового государства, первый — в сочетании с либеральной рыночной экономикой, а второй — с партнерством труда, капитала и государства и с регулируемым конкурентным рынком. Однако акторы, заинтересованные в этих вариантах развития Рос-

сии, практически не представлены в составе элит и потому не имеют выхода на макроуровень трансформационного процесса.

Главным активом макроакторов, позволяющим направлять развитие общества в желаемую для них сторону, является власть, открывающая доступ к экономическим и политическим ресурсам государства. Поэтому основная деятельность российских элит связана именно с разделом властных и управленческих полномочий, организацией выборных кампаний, расстановкой кадров, укреплением исполнительной вертикали, контролем силовых структур. Что касается институциональных реформ, то с 1994 г. они занимали в деятельности элит сугубо второстепенное место, тактическая деятельность явно доминировала над стратегической. В результате целенаправленное преобразование институциональной структуры сменилось борьбой различных социально-политических сил за власть, и общество стало объектом стихийных преимущественно негативных процессов. Правда, с избранием новой Думы и нового Президента РФ реформаторская деятельность элит несколько оживилась и трансформация институциональной структуры стала обретать более целенаправленный характер, но уверенно говорить о позитивных сдвигах в этой области пока еще рано.

Активность макроакторов трансформационного процесса важна не столько сама по себе, сколько потому, что оказывает решающее влияние на условия и направления деятельности мезоакторов. Действительно, макроакторы реформируют нормативно-правовую среду деятельности мезоакторов, регулируют область их прав и свобод, а также уровень и формы ответственности. Кроме того, они осуществляют так называемый *enforcement*, т.е. принудительное внедрение в социальную практику новых правил и норм, а также правовой и административный контроль. Наконец, они регулируют экономические условия деятельности мезоакторов через распределение бюджетных средств, систему налогообложения, а также рыночные механизмы.

Сочетание названных функций обуславливает центральную роль акторов макроуровня в трансформации общества, придавая их деятельности огромную ответственность. Однако социальные акторы любого уровня, как правило, действуют, исходя из собственных представлений, взглядов и интересов, которые в силу многих причин редко совпадают с общественной пользой. Причем, чем выше уровень акторов, тем больший вред наносят обществу их непрофессионализм, неправопослушность и аморальность. К сожалению, эти качества характерны для значительной части постсоветской российской элиты. Наибольший ущерб российскому обществу нанесли такие формы неправовой деятельности макроакторов, как проведение залоговых аукционов; расхищение (мягко именуемое "нецелевым расходом") гигантских западных кредитов; перекачка бюджетных средств на счета частных организаций и фирм; осуществление заведомо убыточных международных сделок с большим "откатом" в пользу участников;

приватизация за бесценнок (или, точнее, присвоение) наиболее перспективных промышленных предприятий и пр.

Мезоуровень трансформационного процесса

Как уже отмечалось, отличительная черта акторов мезоуровня состоит в выполнении функций социального посредничества между элитой и массами. Мезоакторами трансформационного процесса являются руководители органов управления, предприятий, фирм, учреждений социальной сферы, воинских частей и т.д., принимающие участие в преобразовании общественных институтов на отраслевом и локальном уровнях. В отличие от элит, преобразующих нормативно-правовое пространство общества, мезоакторы осуществляют практические инновации. Главные их направления — хозяйственное предпринимательство, инновационная деятельность в социальной сфере, создание самостоятельных гражданских структур, а также интеллектуальная и информационная активность, оказывающая влияние на трансформационный процесс.

Как правило, акторы этого уровня стремятся улучшить институциональные условия деятельности собственных организаций, иногда — изменить локальную среду. Однако, решая собственные проблемы, они выполняют важную функцию передачи социальной информации с макро- на микроуровень общества и обратно. Будучи многочисленными и к тому же рассредоточены по всем сферам общества, регионам и отраслям, они, в меру сил и не всегда это сознавая, обеспечивают хотя бы минимальную интеграцию социальных верхов и низов.

Акторы мезоуровня не только *осваивают и используют* правила игры, предлагаемые им элитами, но и достаточно активно их *корректируют, дополняют, приспосабливают* к своим интересам. Вряд ли можно утверждать, что они куда бы то ни было *ведут* Россию. Но не вызывает сомнения и то, что своей деятельностью они *подталкивают* реальное преобразование институциональной системы в тех или иных направлениях.

Множественность и типологическое многообразие мезоакторов трансформационного процесса затрудняют интегральную оценку их деятельности, однако можно назвать ряд тенденций, вызванных именно их активностью. Таковы, например, массовое превращение менеджеров в собственников приватизированных предприятий, неуклонное повышение доли частного сектора в большинстве отраслей экономики, возникновение многих тысяч негосударственных некоммерческих организаций, коммерциализация институтов образования и здравоохранения, создание независимых СМИ и др.

Трансформационная деятельность мезоакторов не имеет имманентно позитивного или негативного знака — в зависимости от обстоятельств она может иметь как конструктивный, легитимный, так и деструктивный, неправовой характер. Преобладание того или

другого существенно зависит от установок и деятельности акторов макроуровня, в том числе от их личного примера. Неправое поведение мезоакторов нередко служит прямым ответом на непродуманные или неправовые действия акторов макроуровня.

Опыт российских реформ показал, что большинство мезоакторов умело используют в своих интересах любые ошибки и недостатки власти, особенно "дыры" в законодательстве и контроле. Организуются неформальные сети, позволяющие обходить законы. Придумываются и реализуются сложные схемы увода государственных денег на зарубежные счета. Не выплачиваемая в срок заработная плата работников "прокручивается" в интересах работодателей. Широко распространено, чтобы не сказать институционализировано, вымогательство чиновников и работников правоохранительных органов. Процветают взяточничество, клиентелизм, организованное насилие и иные виды криминальной активности. Неправовая деятельность мезоакторов, в свою очередь, вызывает лавинообразный рост неправовых практик на микроуровне.

Микроуровень трансформационного процесса

Соотношение уровней трансформационного процесса с типами действующих на них акторов, на мой взгляд, выглядит так, как это представлено на рисунке 1.

Затемненные элементы на схеме показывают, на каких уровнях трансформационного процесса могут действовать акторы каждого типа. Сфера действия рядовых граждан ограничена микроуровнем — изменением повседневных массовых практик. Лица, обладающие руководящими функциями, могут действовать как на микро-, так и на мезоуровне. В первом случае они осуществляют индивидуальное поведение, а во втором реализуют решения, затрагивающие интересы значительных групп людей. Наконец, представители правящей элиты могут участвовать в трансформационном процессе на всех трех уровнях — как индивиды, как руководители ведомств и корпораций или как деятели государственного масштаба.

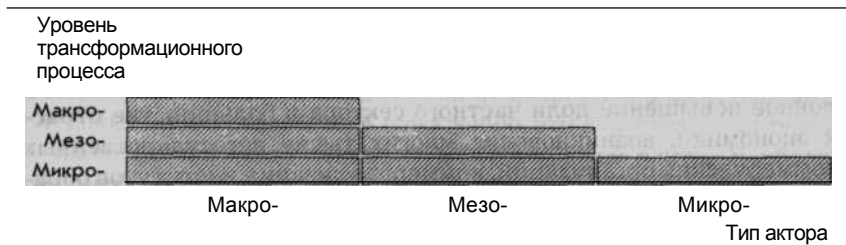

Рис. 1. Соотношение уровней трансформационного процесса с типами действующих акторов

Таким образом, акторами микроуровня в принципе могут быть все россияне, причем представители высших слоев выступают в этом случае как участники трудовых, потребительских, рыночных, сберегательных, электоральных и других общественных практик.

Какова же роль микроакторов в трансформационном процессе? Как известно, большинство россиян, если и не особенно одобряют осуществляемые сверху реформы, то внешне их в основном принимают. Негативные итоги реформ практически не вызвали движений социального протеста, заметную силу они набирают лишь в чрезвычайных ситуациях. Из этого некоторые политики заключают, что сложившаяся в обществе ситуация благоприятствует проведению нового витка быстрых и радикальных реформ, без оглядки на консервативные настроения и скрытое сопротивление массовых групп. Аргументируется это тем, что сознание большинства россиян не рационально и они не понимают своих интересов. Тем самым продолжается традиция противопоставления власти — обществу, что противоречит демократическим ценностям.

Не менее важно и то обстоятельство, что на базе такой политики нельзя успешно реформировать общество. Взаимодействия акторов разных уровней имеют сложный, противоречивый характер. В их основе лежат различия интересов элитных и внеэлитных групп, чиновников и граждан, ведомств и подчиненных им предприятий, собственников и наемных работников, руководителей и исполнителей, а более косвенно — центра и периферии, города и села. Естественно, что каждая из сторон стремится реализовать свои интересы любыми доступными ей средствами. Причем, если акторы высших уровней используют имеющиеся в их распоряжении властные, экономические, административно-правовые и силовые ресурсы, то единственный ресурс микроакторов — выбор индивидуального поведения в рамках остающейся у них области свободы.

Трансформационная активность руководителей мезоуровня влияет на жизнь и деятельность простых россиян не в меньшей, если не в большей степени, чем реформаторская деятельность элит. Ведь реальные права и свободы граждан России до сих пор определяются не столько Конституцией РФ или Трудовым кодексом, сколько усмотрением того или иного начальства. В *экономической* сфере воздействие мезоакторов на положение и поведение рядовых россиян реализуется через установление цен на потребительские товары и услуги, создание новых или свертывание существующих рабочих мест, регулирование условий труда и занятости, уровня и регулярности выплаты зарплаты и пр. В *социальной* сфере оно осуществляется через кадровую политику фирм, пенсионное обеспечение, условия предоставления образовательных, медицинских и культурных услуг, а в *административной* — через отношение чиновников к гражданам, находящее выражение в массовых практиках в сферах государственного управления и правосудия.

Совокупность этих условий существенно ограничивает свободу микроакторов, но не устраняет ее как таковую. Если макро- и мезоакторы формируют тот *социально-правовой лабиринт*, в котором предлагается действовать рядовым членам общества, то последние, выбирая конкретные способы своего поведения в имеющейся у них области свободы, в конечном счете, во многом определяют характер и содержание социальных практик, а следовательно, и общественных институтов. Какой бы малозначительной и несвободной (зависимой) ни представлялась их трансформационная активность, в силу своей массовости и замыкающей роли в формировании общественных практик она оказывает решающее влияние на ход и конечные результаты реформ.

К вопросу о неправовых общественных практиках

В заключение кратко остановлюсь на проблеме неправовых общественных практик. Многие исследователи выражают тревогу по поводу глубокого разрыва между административно-правовой и социокультурной составляющими российских институтов. Отмечается, что новые законы и нормы нередко остаются на бумаге, реальные же практики развиваются так, как если бы этих норм не было¹. Фиксируется растущая роль теневых правил и норм в экономике, политике и других сферах общественной жизни². Утверждается, что доминирование *неформальных отношений* над *формальными регуляторами* — главная черта, отличающая Россию от стран Центральной и Восточной Европы, и главная причина неуспеха реформ. Чем же объясняется столь широкое распространение в нашем обществе неправовых социальных практик? По-видимому, можно выделить три типа ситуаций, предопределяющих разные типы поведения людей по отношению к закону.

В первом случае социальные акторы получают возможность использовать в своих интересах конструктивные возможности, открываемые новыми правилами игры. Реализуя эти возможности, они улучшают свое положение и в то же время содействуют закреплению в социальной практике новых правил и норм, т.е. реальному преобразованию институтов. Такой тип трансформационного поведения является *правовым*. К нему относятся, например, приватизация квартир, покупка и продажа жилья, занятие легитимным предпринимательством, организация гражданских структур,

¹ См. например: Трансформация экономических институтов в постсоветской России / Под ред. Р.М.Нуреева. М.: МОНФ, 2000; *Шабанова М.А.* Социология свободы: Трансформирующееся общество / Под ред. Т.И.Заславской. М.: МОНФ, 2000; Теневые отношения // Pro et Contra. 1999 Зима; Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т.Шанина. М.: Логос, 1999, а также статьи Р.М.Нуреева, Р.И.Капелюшника, Ю.В.Латова в настоящем сборнике.

² *Рывкина Р.В.* От теневой экономики к теневому обществу // Pro et Contra. 1999. Зима. С. 25-39; *Клямкин И.М., Тимофеев Л.М.* Теневое общество. М., 2000.

удовлетворяющих потребности различных групп населения, получение новых типов образования, работа по контрактам за рубежом, получение грантов на исследовательскую работу, освоение новых стилей жизни, способов отдыха и др.

При второй ситуации социальные акторы *нарушают* установленные *административно-правовые нормы*, частично будучи вынуждены к этому акторами более высоких уровней, а частично — используя в своих интересах все возможные ресурсы, включая неполноту правового пространства и слабость государственного контроля. О способах неправового поведения мезо- и макроакторов я уже говорила. Наиболее же типичными примерами *неправового* поведения микроакторов служат мелкие хищения на производстве, уклонение от уплаты налогов, вымогательство и дача взяток, обмер и обвес покупателей на рынках, бытовое воровство и пр. Когда неправовае практики становятся массовыми, поведение акторов микроуровня превращается в мощную деструктивную силу, размывающую нормы закона. Следование этим нормам начинает восприниматься людьми как нечто не обязательное, в то время как противозаконные практики институционализируются и укореняются в культуре.

Возможна и третья ситуация, когда социальные акторы реализуют свои потребности и интересы в зоне общественных отношений, не охваченной правовыми и административными нормами — своего рода нейтральной полосе. Такое поведение осуществляется как бы вне правового пространства и может быть названо *внеправовым* (или *неформальным*). Его общественный результат — спонтанное, по инициативе снизу, становление новых практик и норм.

С точки зрения общественных интересов, эти практики могут иметь как позитивный, так и негативный характер. В качестве примера практик первого типа можно назвать массовое производство продуктов питания в личных подсобных и садовых хозяйствах, образование межсемейных сетей взаимной поддержки и т.п. Примерами же второго типа служат крупномасштабная утечка умов за рубеж, массовый отказ молодых семей от рождения детей, широкое распространение неформальной занятости без оформления трудовых договоров, не говоря уж о проституции, пьянстве, алкоголизме. Постепенное вытеснение внеправовых и особенно неправовых практик — обязательное условие формирования правового демократического государства. Однако пока движение идет скорее в противоположную сторону. Хотелось бы, чтобы участники симпозиума обосновали свое представление о социальных корнях и механизмах массового распространения неправовых практик, ответственных за это типах акторов, а также о мерах, с помощью которых можно надеяться переломить эту тенденцию. Эти проблемы настолько сложны и актуальны, что их специальному обсуждению, возможно, стоило бы целиком посвятить наш следующий симпозиум.